УДК 115:32:34.01

Клименко А.И.

Правовая идеология в контексте пространственно-временных характеристик современного общества

Клименко Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России
E-mail: klimenko_law@mail.ru

Настоящая статья ставит проблему роли правовой идеологии в современном обществе в контексте изменения его пространственно-временных характеристик. Обосновывается мнение о том, что современное общество характеризуется повышением значения фактора социального времени и уменьшением влияния фактора социального пространства, что ведет к соответствующим изменениям и в идеологической сфере общества, в результате которых именно правовая (по содержанию и механизму) идеология становится ведущей. «Тотальные» идеологии, такие как, например, религиозная идеология, отходят на второй план, а на первый план выходит «минимальная» правовая идеология, которая как бы задает координаты для технологии манипуляции сознанием.

Ключевые слова: правовая идеология, роль правовой идеологии, функциональные характеристики правовой идеологии, функции правовой идеологии, структурные характеристики правовой идеологии, социальное время, социальное пространство, трансформации современного общества, метафизические идеологические системы, диалектические идеологические системы, манипуляция сознанием, функционально-структурные характеристики правовой идеологии.

В настоящее время многие исследователи обращают внимание на существенность пространственно-временных характеристик права и правовой реальности. Так появились работы, затрагивающие проблему среды права, и в одном из аспектов измерениями этой среды выступают пространство и время[1]. Также в центре внимания современных футурологов и социологов, таких, в частности, как Э. Тоффлер и З. Бауман, оказываются значимые характеристики современного общества, связанные с изменением соотношения социального пространства и социального времени[2].

С развитием транспорта и информационной коммуникации социальное время неуклонно убыстряется, и временные характеристики становятся все более важными, а пространственные – все менее существенными. Интенсивное передвижение людей, капиталов, информации является важной чертой современного общества[3]. Вместе с тем, это затрагивает как политические структуры, так и само наше мышление, в том числе в его политическом и правовом измерениях. Данная проблема требует исследования. Следует полностью согласиться в этом отношении с К.Е. Сигаловым, который, исследуя пространственно-временные характеристики среды права, отмечает: «Категории **«пространство»** и **«время»** являются фундаментальными философскими и общенаучными категориями. Они являются таковыми, потому что отражают наиболее общее состояние бытия, характерны для всех форм материи, присущи всей природе, обществу и мышлению. Эти категории отражают порядок вещей в любой отрасли знаний. Но если природный характер пространства и времени кажется, на первый взгляд, более или менее понятным или, во всяком случае, более подробно изложенным как в естественнонаучной, так и в философской литературе, то применительно обществу или мышлению этого утверждать нельзя. Идеологический характер категорий разработан гораздо меньше, хотя именно на чувственно-созерцательном уровне воспринимается человеком, осваивающим мир, телесная материя, движение, пространство, время. Именно в мышлении формируются такие абстрактные понятия, как

[1] Бержель Ж.Л. Общая теория права. / Под общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. М., 2000. С. 195–272; Сигалов К.Е. Исторические основания среды права. М., 2002. С. 124–125.
[2] См.: Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008. С. 100–140; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004.
[3] См.: Бауман З. Указ. соч. С. 100–140

пространство и время, которые в «чистом виде» не существуют»[1].

Многие наши «привычные» особенности мышления, которые, по всей видимости, испытываются на прочность, обусловлены старой социальной средой, которая рассматривала пространственные характеристики как наиболее важные. В частности, таким социальным «атавизмом» в политической и правовой сфере выступает тотальная политическая идеология (например, религиозная идеология). И сегодня, когда на смену идеологическим (ценностно-идейным) средствам воздействия на массовое сознание приходят средства манипуляции сознанием, которые, по сути, все в большей степени – «технические» средства, уже не предполагающие некоей системы ценностей, ориентированные на мозаичное массовое сознание и мышление, идеология отходит на второй план[2]. В этом плане мысль о функциональном замещении идеологии «техникой» или технологией становится все более похожей на правду[3]. Ж. Бодрийяр, рассматривая роль идеологии в современном обществе, довольно смело заявляет: «Больше нет идеологии, остались одни симулякры»[4]. Мы, конечно, не можем разделить его позицию по данному вопросу, однако не можем и не признать то, что она основана на определенных верных наблюдениях об изменении роли идеологии в современном обществе.

Обращение к проблеме правовой идеологии требует обозначить особенности нашего понимание данного феномена. И здесь следует сослаться на одну из предыдущих статей, где мы обозначали подход к пониманию правовой идеологии[5]. В ней мы пришли к выводу, что идеология государства является социально-политической по природе, как и любая идеология, и правовой по своей сущности. Последнее отражает специфику идеологии государства как особой политической организации общества. Соответственно, когда мы говорим о правовой идеологии в наиболее общем смысле, то мы имеем в виду идеологию государства, так как она в своей сущности правовая. По своему содержанию правовая идеология может быть различной. Это во многом зависит от способа обоснования государства[6].

Таким образом, идеология государства всегда должна рассматриваться как правовая по своей сущности, однако по содержанию и механизму действия она может быть различной[7]. Когда же мы говорим о современной «минимальной» правовой идеологии, мы имеем ввиду правовую идеологию, «доведенную до своего логического завершения», а именно тот тип правовой идеологии, для которого характерны и правовое содержание и, преимущественно, правовые механизмы реализации (последние сближают в итоге правовую идеологию с техникой манипулирования сознанием).

Идеология предполагает создание определенного достаточно простого типа мышления, позволяющего четко представить социально-политическую реальность. И первой идеологизацией в нашем сознании является представление о дискретности и, соответственно, исчислимости как пространства, так и времени. Материя и сознание, рассматриваемые через категории содержания и формы, предполагают дискретность, так как форма означает присутствие феномена границы, то есть прерывность. Исходя из этого видения можно хорошо описать статичную, «имеющую место», то есть пространственную картину. Тем не менее, на основании представлений о дискретности невозможно объяснить феномен качественного изменения и движения, не вводя некие внешние, не вмещаемые в сознание категории, такие, например, как Бог, а исходя из непрерывности – отсутствия стадий, моментов, этапов и т.д. мы также не можем описать движение.

Как справедливо отмечает М.К. Мамардашвили, «… нужна сумма моментов, необходимых, чтобы процесс движения вообще мог начаться»[8]. При этом философ уточняет, что речь идет не собственно о начале движения, а о возможности его представления, описания, то есть – о нашем сознании и о понимании им движения[9]. Вместе с тем время также не является, а лишь представляется в нашем сознании дискретным. Нашему сознанию удалось его «приручить» своеобразной пространственной аналогией границ, «идеологией» часов, времен года, то есть применением логики измеримости, которая используется в пространственном описании и логики границ – во временной сфере.

Таким образом, мы на века вытеснили из нашего сознания как раз то, что сегодня актуализируется: временную текучесть, непрерывность, которая с точки зрения пространственной парадигмы мышления ведет к уничтожению всякого порядка, к хаосу, и нам сложно с этим иметь дело, так как это настолько чуждо нашей культуре мышления и нашей идеологии, что способно ее разрушить. Однако, это разрушение вовсе не подразумевает функциональную дезадаптацию в обществе. Поведенчески люди вполне удовлетворительно адаптируемся к новой ситуации «текучей современности», где нет ничего постоянного, а главное преимущество – это скорость[10].

Возрастание роли социального времени и уменьшение значения социального пространства обусловливает то, что в политической сфере на смену идеологии приходит технология манипулирования общественным сознанием, которая может и не базироваться на идеологической системе. «Умирание» идеологии и замеще-

---

[1] Сигалов К.Е. Указ. соч. С. 4.
[2] О манипуляции сознанием и формировании мозаичного мышления см.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2003.
[3] См.: Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М., 2007.
[4] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: КДУ, 2006. С. 44.
[5] См.: Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 2–7.
[6] Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 28—52. [Выходные данные издания приводится в соответствии с современными стандартами русского языка – *А.К.*]
[7] См.: Клименко А. И. Указ. соч. С. 6.
[8] Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 2009. С. 188.
[9] Там же.
[10] Бауман З. Указ. соч. С. 100–140.

ние ее техникой манипулирования не происходит в одночасье[1]. Мы наблюдали как постепенно в нашем сознании с возрастанием важности для него временных – динамических характеристик реальности, метафизические (системные) статичные идеологические образы реальности, устанавливающие политический и правовой идеал (именно на них основано представление о священных местах) часто прибегая к религиозной сверхрациональной аргументации, сменяются диалектической идеологией, учитывающей динамику и предполагающей идеал на некоем временном отдалении – «светлое будущее». Здесь мы подчеркнем, что наше понимание идеологии в этом плане значительно шире, чем понимание идеологии «в строгом смысле», которое демонстрирует Ю. Хабермас и, отчасти, И. Валлерстайн. Так, Ю. Хабермас, противопоставляя идеологию традиционному мифу, говорит о том, что идеология всегда выступает с научных позиций, и нельзя говорить о добуржуазных идеологиях[2]. По сути то, что Ю. Хабермас называет идеологией, это, по нашему мнению, диалектические идеологические системы, которые противостоят метафизическим идеологическим системам (традиционному мифу, по Ю. Хабермасу). Здесь появляется и идея прогресса, которая является качественно новой по отношению к традиционалистской идее «возвращения потерянного рая» и являет собой призрак торжества времени над пространством. Образ «священного места» уступает образу «священного тока времени». Но сегодня мы видим новый качественный виток, где скорость передачи социальной информации – значительно более важная характеристика, чем сама эта информация. Мысль становится «короткой», не глубокой, поверхностной, «неустойчивой», но всепроникающей и быстрой. Знания человека теперь рассматриваются не как система, а как яркие лоскуты мозаики, и носитель такого знания не чувствует дискомфорта, переходя от лоскута к лоскуту с удивительной скоростью, не успевая даже осмыслить свое многоликое существование.

Почему как статичные метафизические, так и динамические диалектические идеологические системы «умирают», уступая место технологии, основанной на динамике и скорости? Приведет ли современная тенденция к смене парадигм мышления, или к отказу от всеобъемлющего – мировоззренческого типа мышления в пользу «компетентностного» инструментального «узкого» мышления? Полагаем, что, несмотря на изменения пропорций значимости пространственных и временных характеристик социума, они продолжат свое существование и своеобразную конкуренцию. В метафизических идеологических системах пространство торжествует, в диалектических оно уже потеснено временными представлениями, а в современной технологии манипуляции временные характеристики становятся наиболее значимыми, но это еще не означает уничтожение идеологии вообще.

Следует понимать, что идеология есть явление по природе своей политическое, решающее определенные задачи в обществе. Это, в частности, задача легитимации определенного порядка и обоснование единства политически организованного общества. Вне политически организованного общества идеология не востребована. А вне государственно организованного общества не востребована правовая идеология.

Метафизический тип идеологии тотален, и ему соответствует в политическом плане возникновение идеократических и теократических государств с мощной тотальной правовой идеологией и, как правило, с религиозным содержанием. Эти государства нуждались в сильной системе идеологического воспитания (освоения особого типа мышления) и сильном репрессивном аппарате ввиду того, что в масштабах государства достаточно сложно учесть разноплановые социальные интересы.

Диалектический тип идеологии уже не тотален, но пронизывает все сферы жизни человека, он еще прочно связан с системой мировоззрения. Этот тип идеологии характерен для рационализированных государств[3], которые выступают не как «оракулы» идеологии – теократии, а как своего рода «педагогическое ведомство» транслирующее «научную идеологию». Такие государства более способны к трансформации и, в том числе, к корректировке своих идеологических основ. Содержанием правовой идеологии таких государств выступают научные взгляды и теории.

Современный тип идеологии, который уже можно наблюдать в развитых странах Запада, – это «минимальная» правовая идеология, то есть такая рационализированная идеология, которая только в общих, наиболее значимых с точки зрения потребностей современного политически организованного общества формирует достаточно простую систему ценностей. Правовая идеология - это идеология государства как мы условились ее понимать[4]. Однако, она может быть различна по содержанию. По своему содержанию она может быть религиозной, моральной, эстетической и т.д. А современная идеология - это правовая идеология с практически выхолощенным содержанием (по сути ее содержанием выступает правовая догма). Она выступает своеобразным «минимумом идеологии» и, в принципе, малосодержательна. Сложные теоретические обоснования либерализма в стиле Ф. фон Хайека или Л. фон Мизеса уже не существенны в социальном плане, так как не являются достоянием даже интеллектуальной элиты, не то, что масс. Они не имеют ничего общего с либеральной минимальной, упрощенной и поразительно догматичной правовой идеологией современных западных государств. Содержанием такой минимальной правовой идеологии выступает право, или «юридические верования»[5], то есть правовые представления, по определению, упрощенные и поверхностные выраженные по большей части в правовой догме.

Последний тип идеологии освобождает пространство для манипуляции сознанием людей и повышает ва-

[1] Некоторые симптомы данного процесса опосредовано описаны Ж. Бодрийяром. См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть…
[2] Хабермас Ю. Указ. соч. С. 78–79.
[3] См.: Рейснер М.А. Указ. соч.
[4] См.: Клименко А.И. Указ. соч.
[5] См.: Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 770.

риативность такой манипуляции. Вот здесь человек, вырываясь из рабства идеологии, попадает в непосредственное рабство своих материальных потребностей, эмоций и страстей. Если Г. Маркузе прав, то человек может превратиться в «робота», который не задумывается ни о чем, кроме того, с чем он непосредственно имеет дело, что позволяет ему удовлетворять свои потребности[1].

В политической сфере мы уже видим смену типов регулирования сознания людей. Ряд исследователей утверждает, что «в зависимости от своего содержания выделяются экспрессивные и инструментальные идеологические системы»[2], однако, здесь скорее можно говорить о соотношении идеологической и «технологической» легитимации, или о соотношении идеологии и технологии в воздействии на сознание людей. Само понятие «политические технологии» свидетельствует об изменение баланса в пользу манипулирования сознанием. Так, современная власть, в основном, перестала себя легитимировать идеологически, то есть через правовую идеологию она, конечно, легитимирует порядок власти как таковой, однако, не легитимирует саму себя как «священную» или «правильную». Власть в современном государстве вполне терпимо относится к критике и даже способна на самокритику (система ротации обеспечивает при этом безответственность и перманентную легитимацию, а также анонимность власти).

Однако в современном обществе актуализирована идея прогресса, и самокритика власти – это прием, служащий для построения системы перспективных линий развития общества. Общество воспринимается как перманентно находящееся в процессе позитивного изменения. Власть заостряет внимание населения на социальных болезнях и обещает их «вылечить». Она как бы берет взаймы у будущего, подобно экономике США. Но этот заем не возвращается, так как в будущем будет существовать уже другая власть (система ротации представителей власти наиболее очевидна на примере одного из наиболее развитых современных государств – США). Таким образом, власть отделяется от ответственности.

Современное государство не имеет четкой идеологии, кроме «минимальной» правовой идеологии, что дает многим авторам возможность говорить об отсутствии идеологии, или вообще выдвигать концепцию деидеологизации. Также следует отметить, что идеология, смещаясь по содержанию в наиболее нейтральную (минимальную) правовую сферу, как бы сливается и с позитивным правом, и если говорить о различных типах права, то следует выделить право нормативное (собственно право), наиболее органичным примером которого выступает обычное право – идеал сторонников исторической школы права[3], и право предписательное (идеологическое право), которое основано на творчестве законодателя[4]. В чистом виде они, конечно, не встречаются, однако, рассматривая правовой массив в нем можно выделить, соответственно, нормативный и предписательный (идеологический) компонент[5]. К тому же следует согласиться с положением о том, что современное право само постепенно трансформируется в идеологию. Об этом, в частности, говорит вся история его развития от обычного права к праву предписательному и некоторые современные правовые тенденции, отмечаемые Н. Руланом[6]. Н. Рулан говорит о возрастающей роли норм-целей, норм-принципов и вообще стандартов, которые лишь намечают «вектор» необходимого поведения и не являются нормой в узком смысле слова. Он говорит даже о новом типе воспроизводимого государством позитивного права, не основанном на непременном принуждении, а скорее предполагающем информационно-идеологическое воздействие. И в этом плане французский ученый отмечает различие «права-модели» – развивающегося права и «права-санкции»[7], справедливо признавая за правом-моделью не только юридическое качество (в чем ему отказывают многие юристы), но и определенные функциональные достоинства. Он пишет, что право-модель – это инструмент новой законодательной политики, которая «основывается на идее, что новые права, пользуясь официальным закреплением со стороны учредителя и законодателя, не могут в настоящий момент применятся полностью: отныне они меньше являются императивным обязательством, а, скорее, моделью того, каким *могло бы быть* будущее общество, принимая, конечно, во внимание тот факт, что они могут измениться под воздействием формирующейся практики»[8].

Об идеологическом значении Конституции, в частности, совершенно верно пишет И.Л. Честнов. Он отмечает, что Конституция может восприниматься как, по преимуществу, идеологический документ, легитимирующий задним числом почти любую политику[9]. На наш взгляд, это утверждение сегодня справедливо не только по отношению к Конституциям, но и к юридическому, особенно выраженному в законах, праву вообще.

Легитимация современного государства, скорее, не идеологична, а манипулятивна, его политика изменчива. Государство, как и правовая идеология, становится минимальным – правовым, и государственные чиновники, выражая интересы анонимных представителей реальной социальной власти, выполняют обслуживающие и легитимационые функции.

---

[1] См.: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 51–64.
[2] Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. Красноярск, 1997. С. 119.
[3] См.: Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010.
[4] О проблеме произвола законодателя в отношении создания законов см.: Леони Б. Свобода и закон. М., 2008.
[5] Это отмечают многие юристы и в частности они предполагают что нормативный (естественный) компонент должен превалировать, именно так на наш взгляд следует понимать мысль И.Л. Честнова о том, что законодатель прежде всего должен опираться на реальность. См.: Честнов И.Л. Онтология конституционализма: диалого-антропологический подход // Философия права и конституционализм. Материалы четвертых филосфско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца, 2 октября 2009 г. Москва, Институт государства и права РАН. М., 2010. С. 148.
[6] См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000.
[7] О праве как об обеспеченной санкцией команде суверена писал Дж. Остин. См.: Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. Amherst, New York, Prometheus Books, 2000.
[8] Рулан Н. Указ. соч. С. 228.
[9] См.: Честнов И.Л. Указ. соч. С. 156.

Однако и «минимальная» правовая идеология все же нужна государству, так как она образует основу самоидентичности политически организованного общества. Без нее исчезнет и государство, и мы будем существовать в глобальной информационно-капиталистической среде, мозаичной и полной темных пятен, как и сознание современного человека.

Уже сегодня мы видим, как современные западные государства борются за буржуазные либеральные «демократические» наднациональные ценности во всем мире, которые крайне просты и догматичны. При этом политика этих государств вариативна. Они, как бы, не сдерживаются собственными «высокими» ценностями. Здесь следует вспомнить о том, что, как пишет Ж. Бодрийяр, современные ценности разрастаются, «метастазируют»[1], они размываются, становятся неопределенными, что открывает пространство для манипуляции.

Действительно, возможно правы такие исследователи как И. Валлерстайн, которые рассматривают капиталистические отношения уже в мировом, а не в национальном масштабе[2]. Западная демократия и ее политические институты - это, прежде всего, отлаженные каналы для «мирного» влияния капитала в мировом масштабе на государство в целом, то есть на всю политическую систему. Таким образом государство с развитыми демократическими институтами, свободными СМИ и открытой экономикой открывает себя для влияния мирового капитализма (или наиболее влиятельных капиталистических кругов определенных стран) по принципу: «тот, кто платит, тот и заказывает музыку». В этом контексте только элементы административно-командного ограничения демократических институтов могут обеспечивать суверенитет государства, и тогда в этих условиях управляемые институты демократии становятся в определенной степени видимостью (в разной степени). Это, конечно, предполагает должное идеологическое обоснование и развитие, в частности, правовой идеи суверенитета. Одним из таких обоснований может являться идеологическая и политико-социальная модель «суверенной демократии» В.Ю. Суркова, где ценность суверенитета превалирует над ценностью демократии[3]. Если она грамотно реализуется, то, несмотря на свой оборонительный характер, она вполне жизнеспособна, и «взломать» ее возможно лишь через военную экспансию, что также зачастую не исключается, особенно в свете последних тенденций в мировой политике. Это еще раз демонстрирует значение правовой идеологии для государства: исчезнет правовая идеология – исчезнет и государство. Таким образом, никакие технологии манипуляции не могут полностью заменить идеологию в государственно организованном обществе. Пока же существует правовая идеология, существует и само государство.

Итак, исходя из вышеизложенного можно сделать ряд выводов и обобщений.

1. Пространственно-временные характеристики современного общества являются существенными для идеологической сферы общества. Они существенны и для идеологии современного государства. Мы наблюдаем, в зависимости от смены соотношения социального времени и социального пространства, соответствующие изменения в идеологической сфере. Так на смену метафизическому типу идеологии государства (теократии и идеократии) приходит диалектический тип идеологии в (рациократии и бюрократии), а сегодня мы наблюдаем снижение роли идеологии и возрастание роли манипулятивного ситуативного воздействия на массовое сознание (правовое государство в условиях «информационного общества»).

2. Несмотря на то, что сегодня идеология в решении задачи легитимации политико-социального порядка отступает перед технологией манипуляции сознанием, и это вызвано, прежде всего, возрастанием роли социального времени и уменьшением роли социального пространства; пока существует государство, существует и правовая идеология, которая сегодня приобретает форму «минимальной» с точки зрения содержания идеологии.

3. Тенденция превалирования социального времени над социальным пространством содержит в себе угрозу уничтожения идеологии и государства. Однако такая угроза создания глобального информационно-капиталистического пространства господства, основанного на манипуляции сознанием, в настоящий момент не представляется достаточно реалистичной.

4. Современная правовая идеология предстает правовой не только по своей сущности, но и по содержанию и по способам реализации. Юридическое право современного общества все больше превращается в идеологию. Нормативный компонент этого права уступает свое место идеологическому предписательному компоненту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 238 с.
   Bauman Z. (2008). Tekuchaya sovremennost'. Per. s angl. pod red. Yu.V. Asochakova. Piter. Sankt-Peterburg. 238 p.
2. Бержель Ж.Л. Общая теория права. / Под общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. М.: Nota Bene, 2000. 576 с.
   Berzhel' Zh.L. (2000). Obshchaya teoriya prava. Pod obshch. red. V.I. Danilenko. Per. s fr. Nota Bene. Moskva.576 p.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 257 с.
   Bodriiyar Zh. (2006). Prozrachnost' zla. Dobrosvet. Moskva. 257 p.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 389 с.
   Bodriiyar Zh. (2006). Simvolicheskii obmen i smert'. Dobrosvet. Moskva. 389 p.
5. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
   Vallerstain I. (2006). Mirosistemnyi analiz: Vvedenie. Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego». Moskva. 248 p.
6. Гурвич Г.Д. Социология права. Пер. с англ. М.В. Антонов, Л.В. Воронина, комм. М.В. Антонов, Л.В. Воронина // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос.

[1] Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 10–11.
[2] См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
[3] Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» // PRO суверенную демократию: Сб. / Сост. Л.В. Поляков. М., 2007. С. 34–39.

ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с. С. 565–802
Gurvich G.D. (2004). Sotsiologiya prava. Per. s angl. M.V. Antonov, L.V. Voronina, komm. M.V. Antonov, L.V. Voronina. In: Filosofiya i sotsiologiya prava: Izbrannye sochineniya. Izdatel'skii Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izdatel'stvo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta. Sankt-Peterburg. 848 p. P. 565–802.

7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 832 с.
Kara-Murza S.G. (2003). Manipulyatsiya soznaniem. Izd-vo Eksmo. Moskva. 832 p.
8. Клименко А.И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 2–7.
Klimenko A.I. (2011). Problema ponimaniya pravovoi ideologii. Yuridicheskaya psikhologiya. N 4. P. 2–7.
9. Клименко А.И. Структурные характеристики правовой идеологии современного государства // История государства и права. 2010. № 4. С. 28–30.
Klimenko A.I. (2010). Strukturnye kharakteristiki pravovoi ideologii sovremennogo gosudarstva. Istoriya gosudarstva i prava. N 4. Pp. 28–30.
10. Клименко А.И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства. Монография. М.: МосУ МВД России, 2007. 139 с.
Klimenko A.I. (2007). Sushchnost' i mekhanizmy sovremennoi pravovoi ideologii gosudarstva. Monografiya. Moskovskii Universitet MVD Rossii. Moskva. 139 p.
11. Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. 307 с.
Leoni B. (2008). Svoboda i zakon. IRISEN. Moskva. 307 p.
12. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 246 с.
Mamardashvili M.K. (2009). Lektsii po antichnoi filosofii. Progress-Traditsiya. Moskva. 246 p.
13. Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
Nemetskaya istoricheskaya shkola prava. Sotsium. Chelyabinsk. 2010. 528 p.
14. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. Учебное пособие Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1997. 255 с.
Nemirovskii V.G., Nevirko D.D. (1997). Teoreticheskaya sotsiologiya: netraditsionnye podkhody. Uchebnoe posobie. Krasnoyarskaya vysshaya shkola MVD Rossii. Krasnoyarsk. 255 p.
15. Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. 221 с.
Reisner M.A. (1911). Gosudarstvo. Chast' 1. Vvedenie. Kul'turno-istoricheskie osnovy. Posobie k lektsiyam po obshchemu ucheniyu o gosudarstve. Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina. Moskva. 221 p.
16. Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. 301 с.
Rulan N. (2000). Yuridicheskaya antropologiya. Norma. Moskva. 301 p.
17. Сигалов К.Е. Исторические основания среды права. Монография. М.: Московская академия МВД России, 2002. 194 с.
Sigalov K.E. (2002). Istoricheskie osnovaniya sredy prava. Monografiya. Moskovskaya akademiya MVD Rossii. Moskva. 194 p.
18. Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» // PRO суверенную демократию: Сб. / Сост. Л.В. Поляков. М.: Европа, 2007. С. 34–39.
Surkov V.Yu. (2007). Suverenitet – eto politicheskii sinonim konkurentosposobnosti. Stenogramma vystupleniya zamestitelya rukovoditelya Administratsii Prezidenta RF pered slushatelyami Tsentra partiinoi ucheby i podgotovki kadrov VPP «Edinaya Rossiya». PRO suverennuyu demokratiyu: Sb. Sost. L.V. Polyakov. Evropa. Moskva. Pp. 34–39.
19. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004. 669 с.
Toffler E. (2004). Metamorfozy vlasti. AST. Moskva. 669 p.
20. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
Khabermas Yu. (2007). Tekhnika i nauka kak «ideologiya». Per. s nem. M.L. Khor'kova. Praksis. Moskva. 208 p.
21. Честнов И.Л. Онтология конституционализма: диалого-антропологический подход // Философия права и конституционализм. Материалы четвертых филосфско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца, 2 октября 2009 г. Москва, Институт государства и права РАН. М.: ИГП РАН, 2010. С. 145–159.
Chestnov I.L. Ontologiya konstitutsionalizma: dialogo-antropologicheskii podkhod. In: Filosofiya prava i konstitutsionalizm. Materialy chetvertykh filosfsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V.S. Nersesyantsa, 2 oktyabrya 2009 g. Moskva, Institut gosudarstva i prava RAN. IGP RAN. Moskva. 2010. Pp. 145–159.
22. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. Amherst, New York, Prometheus Books, 2000. 396 p.